

П. В.
АННЕНКОВ

Сочинения

Павел Анненков

**Февраль и март в
Париже 1848 года**

«Public Domain»

1862

Анненков П. В.

Февраль и март в Париже 1848 года / П. В. Анненков — «Public Domain», 1862

Очерк П. В. Анненкова «Февраль и март в Париже 1848 года» состоит из трех частей и впервые был опубликован в русской периодике 1859–1862 гг. Публикации возникли на основе «Записок о французской революции 1848 года», написанных Анненковым в Париже в период революционных событий 1848 г., но представляют собой качественно новый материал. Во-первых, Анненков, использовал лишь первую часть своих «Записок», значительно сократив ее, но в то же время ввел в текст сведения о последующих событиях революции. Во-вторых, сам рассказ о парижских событиях в очерке лишен непосредственности и взволнованности, присущих «Запискам», но взамен чувствуется определенный отбор описываемых событий и даны обобщения, отсутствующие в «Записках».

© Анненков П. В., 1862

© Public Domain, 1862

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков

Февраль и март в Париже 1848 года

I

В жизни целых обществ, как и в жизни частных лиц, воспоминание о тех событиях, которые изменили коренные основы их существования, играет, разумеется, весьма значительную роль. С воспоминанием о таких событиях рука об руку идет, для лиц и обществ, целый ряд моральных соображений, нравственных и политических выводов, которые клонятся к тому, чтоб ограничить или ослабить печальное действие исторического факта, если он был неблагоприятен; распространить или усилить его влияние, если он был полезен и благотворен. Этой работе современной мысли, рождаемой воспоминанием, не могут быть чужды и те общества, которые не подпали прямому действию какого-либо повсеместного, европейского события. Собирая известия о нем из чужих рук, сличая их с указаниями очевидцев и занимаясь ими, общества, находящиеся в положении зрителя, учатся законам и причинам, рождающим исторические явления, определенному, неизбежному ходу их при известных условиях и моральному смыслу, который непременно от них отделяется, каковы бы ни были их свойства, сущность и содержание. Все это не может быть выпущено из вида, если только общество чувствует уже потребность мыслящей, разумной и предусмотрительной жизни.

Вероятно, многие с нами согласятся, что корень большей части явлений, замечаемых в современной Франции, кроется в февральских днях ее последней революции. Цепь, связующая нынешний строгий порядок дел, заведенный там, с неожиданностью и случайностью февральского переворота, не нуждается в пояснении и указании. Как ни кажутся различны и противоположны эти два факта, поставленные вместе, но они образуют только крайние точки одной и той же линии, одного и того же исторического промежутка. Совершенно случайное появление французской республики и совершенно неожиданное утверждение империи; полная анархия в умах, ни к чему не приготовленных заранее, и полное подчинение умов одной идее, обсужденной 50 лет тому назад, в начале столетия; какой-то дилетантизм, баловство с междоусобной войной, с шумом улицы и площади – и нынешняя тишина по всем публичным местам, отданным, сверх частных дел, преимущественно официальным торжествам – все это так тесно связано между собой, как бывают только связаны в мире причина со следствием. Но куда следствие у нас, что называется, перед глазами, причина уж довольно далеко отошла назад в прошлое, нуждается уже в пере публициста и откровенном сказании свидетеля, чтоб не пропасть окончательно из вида и удержать свое место в памяти нового поколения.

Соображения эти навели меня на мысль привести в порядок воспоминания мои о февральских днях 1848 года, который застал меня в Париже неожиданно^[1] и которых я был случайным и почти невольным очевидцем. Труд этот значительно облегчается самым характером парижского переворота 1848 года. Он родился преимущественно на улице, там вырос, там и кончился. Кого он застал или повстречал на мостовой, тот и мог видеть его вполне и ознакомиться с ним со всех сторон. Другие исторические перевороты обыкновенно имеют длинную генеалогию. Нить, которая приводит их в движение и управляет ими, скрывается от глаз в кабинетах главных и, по большей части, невидимых деятелей. Нельзя говорить о таких переворотах, не исследовав предварительно идей и учений, под влиянием которых они созрели. Переворот 1848 года был весь налицо, весь на площади, без остатка. Он произведен единственно улицей: люди, партии, идеи, словом, все попытки дать ему определенный политический оттенок, навязаться ему в отцы и руководители, пришли к нему гораздо позднее. Настоящая история его должна начинаться очень скромно, почти как «дневник замечательных происшествий», как

«перечень событий» или как «ведомость о необыкновенных случаях» в городе. Если рассказ о трех февральских днях 1848 (22, 23 и 24) года, пережитых Парижем, захочет быть верным, неподрумяненным отражением действительности, он должен держаться преимущественно, так сказать, мостовой. Правда, и всякое происшествие на улице должно иметь свой повод: февральские дни, само собой разумеется, не лишены поэтому ближайшей, основной и очевидной причины. Вопрос о народных обедах, «банкетах», устроенных оппозицией^{2} с целью добиться ничтожной реформы в избирательной системе и свергнуть упорного министра иностранных дел (Гизо), разросся благодаря усилиям радикальной партии так, что 12-му парижскому кварталу, затеявшему последний банкет этого рода, нельзя было отобедать публично, не восстановив вместе с тем и права ассоциации (права на политические собрания). Очень понятно и очень извинительно, что король и его министры испугались возможности такого восстановления, которое уничтожило бы зараз все 18-летние труды правительства, подъятые на стеснение права политических совещаний, как начала враждебного и опасного для конституционной монархии во Франции!.. Очень понятно также, но менее извинительно то, что конституционная оппозиция, с гг. Барро^{3}, Дювержье^{4} и др. во главе, под покровительством которой расцветали банкеты в продолжение всего лета 1847 года и на всех пунктах Франции, которая даже сама и вызвала их – отступила зимой перед собственной своей мыслью. Она вошла в сделку с министерством и согласилась вопрос о законности публичного «банкета» в 12-м квартале подвергнуть приговору кассационного суда. Сговорились непременно явиться на обед с тем, чтоб непременно встретить там полицейского комиссара, воспреещающего сборище, а затем непременно разойтись, но предварительно составить протест против злоупотребления полицейской власти, а потом передать его на суд высшего юридического места. Нет никакой причины полагать, что дело не обошлось бы именно так, как указывала программа его, если бы исполнению ее не помешал сам министр внутренних дел, граф Дюшатель^{5}, или лучше Гизо, составлявший душу министерства. Им стоило только промолчать, когда пышный во всех делах и поступках г. Одиллон Барро пригласил национальную гвардию^{6}, от имени оппозиции, на обед, для которого ничего не готовилось заранее. Оба министра усмотрели в этом посягновение на право верховной власти, которая одна могла созывать национальную гвардию в полном ее составе. Под этим предлогом они» собственной властью, прямо и начисто запретили обед 12-го квартала. Кто знает? Может быть, Гизо, ожесточенный борьбой, уже раскаивался тогда в уступке, прежде сделанной им своим парламентским противникам. Как бы то ни было, но становилось ясно, как день, что народ, возбуждаемый все лето к требованию избирательной реформы, выйдет непременно на площадь, так как другого истока для политической его мысли уже не представлялось более. Он действительно и вышел с криком: *la réforme*¹; с тем же единственным криком всей революции он и сошел с площади, но уже унося с собой королевство, конституцию, все общественные основы и всех людей 1830 года.

Начиная с понедельника, 21 февраля н. ст., уже стали показываться в городе симптомы приближающейся бури. По бульварам и смежным улицам только было и толков, что о завтрашнем дне. Между разнородными толпами всякого народа легко можно было отличить несколько лиц, которые обыкновенно являются в богатые части города накануне общественных потрясений. Как оторванные, ходячие фразы 93 года, они, по свидетельству старожил, пускаются вперед революционными партиями, с целью напомнить достаточным людям изысканной странностью, придуманным цинизмом своего костюма о другом, беднейшем населении города, возвестить приближение революции и подействовать спасительным страхом на воображение противников. Один из таких герольдов восстания обратил общее внимание. Это был высокий сухощавый работник в истертых плюсовых панталонах, в полинялой куртке, с головой, обя-

¹ Реформа (*франц.*).

занной *красным* платком à la Marat², и с прутом в руке, которым он флегматически махал в обе стороны. В походке и в выражении его лица было весьма много наглости и вызова. Он казался переодетым работником и шел прямо, не сворачивая с дороги. Люди перед ним сторонились и оглядывались на него. Когда вечером узнали о совершенном запрещении «банкета», произнесенном в палате депутатов гр. Дюшателем, толпы стали еще увеличиваться, и полицейские сержанты, уничтоженные два дня спустя торжествующим переворотом, напрасно переходили от группы к группе, упрашивая публику не загромождать тротуаров: толпы сами собой возникали по всей длинной линии бульваров. Особенно волновались *пассажи*. Вообще очень многолюдные зимой и осенью, они теперь буквально затоплены были народом. В некоторых из них уже образовались политические *кафедры*, но еще весьма робко: обыкновенно после нескольких громких фраз, публичный оратор поспешно скрывался, как будто испуганный собственными словами. Как-то болезненно шумел оперный пассаж (*passage de l'Opéra*), тогдашнее место сборища биржевых спекулянтов, театральных волокит, тайных игроков – словом, всех тех, которым очистительная реформа была совсем не по нутру. Рядом с выражением страха и угроз беспокойным головам, там уже слышались слова дерзкой решимости, занесенные с улицы. В кофейной Тортони, куда стекались *львы* Парижа после обеда, стоял необычайный гул от шумных разговоров: она так же волновалась, как и уличные толпы, вращавшиеся около нее густыми массами. Предчувствие чего-то необыкновенного зарождалось в уме само собой; можно сказать без преувеличения, что приближение восстания носилось и слышалось в воздухе. Какой-то молодой человек, проходя мимо меня по бульвару, сказал очень равнодушно и весело вслух своему товарищу: «Paris va tenter demain une journée» (Париж завтра попробует счастья). Этот технический термин, изобретенный для парижских уличных проделок, точно объяснил мне вдруг все настоящее значение минуты, точно подвел неожиданно итог всем мыслям и наблюдениям, сделанным мною, да, вероятно, и многими другими, в течение целого вечера. На другой день, во вторник, 22 февраля в 10 часов утра, я прямо направился к площади Madeleine, которая по всем расчетам должна служить сборным пунктом народа, так как банкет 12-го округа, влиянием конституционной оппозиции, перенесен был поблизости ее в Champs-Élysées, в квартал менее опасный и беспокойный, чем тот, где обеду следовало бы явиться. Оппозиция берегла правительство столько же, сколько и министерство. На площади уже было много народа, но совершенно безоружного и не знавшего решительно, что ему делать. Кругом не было видно ни одного солдата и ни одного полицейского. Вся толпа шумела, кричала и волновалась на одном месте, между тем как магазинчики запирали лавки, а жильцы великолепных домов, окружавших площадь, отворяли окна любоваться на восстающую инсurreкцию³, которая, видимо, колебалась, еще не имея основания. Одно только привлекло мое внимание; впервые раздался тут крик: «vive la réforme!», «à bas Guizot!»⁴ – который сделался потом лозунгом всей революции, паролем, отворившим ей, одну за другой, двери Палерояля, Тюльери и палаты депутатов. Между тем народ беспрестанно притекал по бульварам к площади, и когда я через час снова возвратился на нее, масса голов волновалась уже не на одной площади, а по всему протяжению Королевской улицы и примыкающей к ней площади de la Concorde. По-прежнему народ стоял один: ни солдата, ни сержанта, ни какого-либо мундира на всем этом пространстве!

Боялся ли Гизо неожиданной выставкой войска укрепить восстание преждевременно, или хотел видеть сперва развитие его, чтоб потом с расчетом направлять удары, как это сделал впоследствии генерал Каваньяк^[7], – не знаю, но это отсутствие публичной силы, казалось, приводило в замешательство самый народ. Он истощался в праздных криках и песнях

² Как Марат^[122] (*франц.*).

³ Инсurreкцию (от франц. *insurrections*) – мятежников.

⁴ «Да здравствует реформа! долой Гизо!» (*франц.*).

и очень обрадовался, когда из-за угла церкви Madeleine показался строй студентов и работников попарно. Вся толпа испустила пронзительный вопль: она находила видимый центр, около которого могла теперь собраться. Немедленно все пристали к шествию и потянулись через площадь de la Concorde к палате депутатов, разнося по всему этому пространству песню «la Marseillaise»⁵, которую, между прочим, я тут впервые услышал на площади. Это было как будто повешение Парижу о начинающемся бунте. Вместе со всеми тронулись мы за шествием. День стоял грустный; небо было туманно, в воздухе носилась проедающая сырость, и от времени до времени перепадал мелкий холодный дождь, которым обыкновенно разрешаются здешние зимы.

Что-то похожее на шутку или детскую резвость произошло около палаты депутатов. Небольшой отряд муниципальной и национальной гвардии, стоявший за решеткой ее, скрылся, увидав многочисленную толпу, приближавшуюся к нему. По требованию передовых, привратник тотчас отпер дверь решетки, и народ побежал вверх по великолепной палатской лестнице, обыкновенно возбраненной для него и всегда строго охраняемой. Ему, по-видимому, весело было нарушить правило и приказание – он бежал по лестнице с удовольствием, какое может испытывать ученик, захвативший кафедру и ферулу⁶ своего учителя. Но в палате заседания еще не было; захватить пустую комнату было бы нелепостью. Оставшиеся внизу кричали собратам, чтоб они остановились и сошли. На минуту удивленные этой неожиданной помехой, ряды, покрывшие лестницу, остановились, подумали немного и спустились назад. В это время три человека, принадлежавшие, видимо, к разряду того, что называется манерами, предводителями – мужчина русоволосый, высокого роста, пожилой человек, весьма почтенного вида, и третий – красавец с черными усиками, кричали что есть мочи толпе: «aux affaires étrangères, aux Tuilleries!»⁷ Назначать пункты восстания и притом самые опасные народу, ничем, еще не вооруженному, было очень легко или, лучше, очень дерзко, но роль предводителей в то время тем только и ограничивалась.

Надо сказать, впрочем, что исключительное участие одного уличного народа в февральских днях 1848, может быть, и упрочило их неожиданный успех. Народ ничего не предлагал от себя. За него действовало и работало одно только слово: «la réforme!». Это слово вырвало, по выражению генерала Бедо^{8}, оружие из рук войска, и оно же вызвало ласковое вмешательство умеренно-либеральных граждан национальной гвардии, что окончательно упрочило победу и торжество восстания. Дело одной какой-либо партии, одного какого-либо оттенка никогда не могло бы произвести подобных следствий. Менёры, или предводители, явились гораздо позднее; они явились уж тогда, когда народ, добиваясь реформы и одной только реформы, пробил в государственном теле такую брешь, что в нее могла пройти так называемая республиканская Партия. Да и тут еще многие из ее членов, при самом конце, еще сомневались в торжестве своем. Известно, что Кремьё^{9} не верил в республику даже тогда, как народ пригнал его «в ратушу управлять республикой; известно, что в списках нового правительства, выданных радикальными журналами в ночь с 23 на 24, у журнала «National» стоял во главе еще Одиллон Барро: так невозможно казалось ему показать Франции собственное свое имя. Когда дело достигло поразительной очевидности, все радикальные партии сошлись, чтоб назначить новых правителей государства из собственной среды, и произвели ту амальгаму всех возможных направлений, которая известна под именем временного правления *gouvernement provisoire*. После этого тяжкого труда каждая из партий возвратилась опять к самой себе, и издатель демократического «National», Арман Мараст^{10}, сделавшийся уже секретарем правительства, писал в пятницу, 25-го февраля: «О! как велик парижский народ, как велик он, когда вздумает

⁵ «Марсельеза» (*франц.*).

⁶ Ферулу (от *лат. ferula*) – линейку (в значении розги).

⁷ «В министерство иностранных дел, в Тюльери!» (*франц.*).

делать историю!» Это, однакож, не помешало ни ему, ни его товарищам переделывать эту историю впоследствии, и каждому по своему вкусу: так неясно изложена она была сначала.

От палаты депутатов толпа повернула назад к министерству иностранных дел. В это время пронесся на полных рысях, вдоль всей площади de la Concorde, отряд верховой муниципальной гвардии. Народ хотел еще задобрить этих непреклонных блюстителей порядка, заведенного Л.-Филиппом, которые стойкостью своею возбудили всеобщую ненависть и в февральские дни одни только действительно и выдерживали некоторое время борьбу с народом. Известно, что *муниципальная гвардия*^{11}, пешая и верховая (последним был сохранен щегольский костюм наполеоновских кирасир)^{12}, пополнялась лучшими людьми из линейных полков, состояла без исключения из красавцев и содержалась в ведении префекта полиции весьма роскошно. Начальство употребляло ее на полицейский вооруженный надзор, а по надобности и на подавление народных сопротивлений. В обоих случаях войско это сделало для себя нечто вроде *point d'honneur*⁸ из быстрого, неослабного исполнения полученных приказаний. Итак, народ кричал: «*vive la garde municipale!*»⁹. Офицеры и солдаты отвечали салютом саблями на всем скаку, но, встретив еще толпы на площади Madeleine, раскидали их по сторонам и явились к министерству иностранных дел на помощь. Мы прибыли почти в одно время с ними и нашли точку около противоположного министерскому дому Café Caumartin, с которой могли видеть всю сцену, происходившую пред дворцом Гизо. К этому пункту стекалось все более и более народа. Полицейский комиссар, явившийся для увещания, был встречен камнями. В ту же минуту из ворот дома показался отряд пехотной муниципальной гвардии с ружьями и выстроился перед ним. Вместе с тем верховая муниципальная гвардия устремилась в толпу, рассыпанную на группы, собравшиеся по тротуарам и по улице, и погнала их перед собой, как пыль вдоль бульваров. Через несколько минут те же самые группы, однакож, снова формировались сзади ее, с боков, рассыпались при ее приближении и возникали снова на другом месте. Видно было, что народ этот уже не в первый раз имел дело с вооруженной силой и знает, как обходиться с нею. Во всех движениях его заметна была необычайная изворотливость, полная опытности и сноровки; кавалерийские атаки со стороны муниципалов также производились с некоторою осторожностью и разбором, как будто нападающие еще берегли свои силы для последних ударов. Между тем перед стеной министерского дома, обращенной к бульварам, выстроилось линейное войско, армия, в предупреждение уже начинавшихся попыток перебраться за нее. По ту сторону стены, в саду, торчали шишаки и ружья пехотных муниципалов, готовых на отпор: министерство крепко оберегалось и снаружи и внутри. Народ, поминутно гонимый в разные стороны атаками верховой муниципальной гвардии, кричал не умолкая: «*vive la ligne, vive la ligne!*» (виват армия!), стараясь заинтересовать ее в своем деле и отстранить от всеобщей ненависти, на которую, казалось, вызывались войска полицейские. Действительно, линейное войско, в противоположность последним, стояло под ружьем грустно и молчаливо, показывая уже одним видом малое расположение сделать из министерского дела собственное свое дело. Вскоре круг действия для публичной силы сделался уже слишком узок от прибывающего народа и был раздвинут вдоль по бульварам до самой улицы Монмартр. От министерства иностранных дел до этого крайнего пункта потянулись разъезды кирасир, атаки муниципальной гвардии по скопищам, арестации наиболее выставившихся инсургентов, и город начал сильно приобретать военную физиономию, хотя до сих пор в Париже не было сделано еще ни одного ружейного выстрела.

Однообразная цепь атак и разъездов, которые могли продолжаться до ночи, начала возбуждать, однакож, какое-то тяжелое, неприятное чувство в душе. Я отправился о-бок в королевскую библиотеку слушать чтение Рауль-Рошета о Египте. Надобно сказать притом, что мне,

⁸ Дело чести (*франц.*).

⁹ «Да здравствует муниципальная гвардия!» (*франц.*).

как и многим другим, все казалось тогда, что народ, предоставленный, как было очевидно, только самому себе, будет неизбежно подавлен и начатое им дело перенесется в парламент и обратится по-прежнему в игру между оппозицией и консерваторами. Неутомимый компилятор Рауль-Рошет уже сидел на своей кафедре в зале дендерского зодиака^[13] и говорил о первых египетских династиях и их громадных постройках. «Они сделали, – сказал он между прочим, – для своего отечества то же, что короли наши для Франции, которым последняя обязана политическим значением и географическими своими границами». Это походило на ответ тому, что свершалось на улице. Рауль-Рошет вместе с Шамполионом-Фижаком^[14], как известный приверженец системы Гизо, лишен был места консерватора в публичной библиотеке на третий день, кажется, после революции. Но уже в час, проведенный мною на лекции, много, много вещей случилось в Париже.

Появление войска действительно окрылило, воодушевило инсurreкцию, как того и ожидать следовало. Едва образовался охранительный кордон вокруг палаты депутатов, в которой началось заседание, как явились попытки образовать регулярное сопротивление по соседству ее (в Елисейских полях), в улицах St. Honoré и Риволи. Широкое пространство первых дозволило только эволюции и маневры народу; он захватил нечаянно пост муниципалов и сжег гауптвахту их. Показавшиеся отряды пешей и верховой муниципальной гвардии встречены были камнями, на которые они отвечали ударами штыков и сабель. Крики и шум сталкивающихся сторон могли доходить до самой палаты, которая, как ни в чем не бывало, занималась рассуждением о Бордоском банке^[15]. В улице St. Honoré было иначе: там уже возникли баррикады. Остановлен был один омнибус, один дилижанс, шедший из Версаля, свалено несколько фур, но все это уничтожено было почти в ту же минуту, как образовалось, и корда я пришел на место – свежие камни, только что вынутые из мостовой, лежали в одной стороне, фуры и омнибусы отодвинуты были к другой, а вдоль улицы разъезжали эскадроны драгун... Как необходимая подробность парижского восстания, в близлежащем доме, на самом месте сшибки, открылся перевязочный пункт, «ambulance¹⁰» для раненых и ушибленных с обеих сторон.

Революция привязывалась, однакож, как репейник ко всему, что встречала на пути своем. Выгнанная из первых своих позиций, она ушла в сердце Парижа, в его простонародные кварталы, и там уже отыскивала себе благоприятную почву и пустила корни.

Я шел от Рауль-Рошета по Палероялю, сделавшемуся внезапно мрачным, пустым. Почти ни души в его многолюдных галереях; вместо публики расхаживали по нем часовые из муниципалов, магазины были уже заперты, а у великолепных его ресторанов отворены были только половинки дверей: так чувствительна вообще торговля к уличным беспокойствам. При самом выходе поразил меня необычайный шум и гам. Здесь произошел один из тех эпизодов, которые еще раз показывают проворство народа в деле восстаний. Гонимый из улицы St. Honoré, где, как знаем, баррикады были уничтожены, он рассыпался, по обыкновению, на группы, смешался с мирными пешеходами, с жителями домов, вышедших на тротуары из любопытства, и, разумеется, тем затруднил преследование. Одна из таких групп, уловив минуту, в одно мгновение ока, почти под глазами муниципалов кинулась на оружейную лавку Лепаж и разграбила ее. Я видел, как мимо улицы Вивьень промчались работники и мальчишки (gamins) с великолепными ружьями и пистолетами в руках по направлению к предместьям С.-Дени и С.-Мартена, где вскоре и сосредоточилась вся инсurreкция. Вместе с тем вдоль богатых улиц Ришелье и Вивьень разнесся крик: «on pille!» – «грабят!»! Панический страх овладел магазинщиками, которые еще до сих пор держали лавки свои открытыми. С судорожною поспешностью стали они накладывать ставни на окна и запоры на двери. Два верховые отряда муниципальной гвардии, в предупреждение подобных же попыток, промчались, что есть мочи, по обеим улицам,

¹⁰ Амбулатория (франц.)

и плохо было бы группам, если бы они встретили их тут. Я сам едва успел в улице Вивьень прислониться к дому, чтоб пропустить мимо себя эту бешеную кавалерийскую атаку, которая, подымая стук и гром по мостовой, имела какой-то особенный эффект. В это же время все улицы и переулки, ведущие к Карусельной площади и Тюльери, запирались войском; сильный отряд оберегал министерство иностранных дел, разъезды ходили по бульварам, но движение в этой богатой части города уже кончилось. Оно ушло, как мы уже сказали, в народные кварталы и возвратилось на другой день опять сюда, но уже с победой и празднуя торжество.

Так кончился первый день революции. Наступивший вечер принес с собой ожидание будущих событий, порядочный запас сомнения и страха, которые вполне были разделяемы и всеми радикальными журналами. По вечерним газетам узнали мы, что Одиллон Барро вручил президенту палаты обвинение министерства. На эту тему появились на другой день все «premier-Paris»¹¹ республиканских листков: «National» писал, что министерство подлежит суду отечества; «Courrier Francais» восклицает: «Retirez-vous, hommes du sang et du malheur»¹² и проч. «Journal des Débats» был, по-видимому, спокоен, столько спокоен, что приложил ничтожную статейку о костюмах древней Британии, кажется, а между тем это был последний № монархического «Journal des Débats». Вскользь извещая о случившихся происшествиях, он вполне был уверен, что возмущение будет скоро подавлено: таково было действительное мнение Гизо, который, казалось, тем более ожесточался, чем сильнее привязывалась к его имени народная ненависть. Впрочем, и ошибка была позволительна; народ еще был безоружен, а в Париже находилось, как говорили, до 40 тысяч войска с грозным комплектом артиллерии, не считая крепостей знаменитой ограды «enceinte continue»¹³, которых всего более ужасались как республиканцы, так и вообще недовольные правительством.

И вся эта сила пропала в руках Луи-Филиппа от одного вмешательства национальной гвардии, вдвойне оскорбленной им: во-первых и прежде всего, недоверием его, а во-вторых, его непостижимым упорством в отказе политических прав, изменявших, может быть, большинство в парламенте, но нисколько не опасных установленному порядку дел. Гизо и Дюшатель сделали промах, который и мог быть сделан только людьми, уверившими себя, что падение их как министров равносильно падению государства. Отуманенные восьмилетним успехом всех своих мер, государственные люди эти хотели подавить восстание своими собственными средствами, помимо национальной гвардии. Принцип «централизации» много бы выиграл от этого отстранения граждан в самую решительную и опасную минуту спора, но для этого надо было иметь под рукой «смелого и решительного» генерала, каких тогда еще не существовало. Сбор (gappel) национальной гвардии не раздавался до самой середины, но уже вооруженные граждане собирались сами собой. Еще во вторник видел я два отряда национальной гвардии, собравшиеся произвольно и под председательством своих полковников явившиеся на Карусельную площадь и в Тюльери. Они в одно время предлагали свою защиту короне и выражали необходимость реформы для замирения народа. В среду утром было еще хуже. Отряды национальной гвардии стекались к своим центральным пунктам-мэриям. Правда, в это время сбор уже бил по городу, но совсем понапрасну: он походил на приглашение, когда гости уже сидели за столом. Раздосадованная самоуправством Гизо, национальная гвардия громко требовала смены министра и избирательной реформы. Один крик раздавался почти из всех мэрий: «a bas Guisot, vire la réfforme!» Этот крик донесся до Тюльери и был причиною немедленного падения Гизо, но этот же крик долетел до восстания и, подобно растительной пыли, переносимой ветром на тощее деревцо, оплодотворял его. С тех пор и расцвело оно с полной, ничем не удержимой силой.

¹¹ Передовая статья в парижских газетах (франц.).

¹² «Уйдите прочь, люди крови и несчастья» (франц.).

¹³ Континуум (франц.).

Здесь кстати упомянуть об одной из самых странных претензий республиканских историков^[16], объясняющих поведение национальной гвардии влиянием многих старых республиканцев, стоявших в рядах ее. Натяжка эта до такой степени противоречит фактам и общему ходу дела, что только и может извиниться естественными усилиями всякой партии все начать с себя и все возратить к себе. Увлечение национальной гвардии было общее и мгновенное. Мы точно такж» скажем, что национальная гвардия вскоре и раскаялась в своем увлечении. Одушевление ее при внезапном обороте происшествий, тотчас сменялось непостижимой уступчивостью, странным отступничеством от своего естественного покровителя, короля Л.-Филиппа, и малодушным эгоизмом, забывшим даже истинные свои выгоды.

Итак, утром в среду направились мы к кварталам С.-Мартен и С.-Дени, где уже было выстроено за ночь несколько баррикад, начиная с рынка «des Innocentes», по четырем улицам, ждущим от этого пункта к бульварам, четырем главным артериям всех предшествующих революций, именно улицам du Temple, St.-Martin, St.-Deni и Monmartre¹⁴. Баррикады, однакож, останавливались, не доходя бульваров, так как в плане военных начальников заметно было твердое намерение не допускать инсurreкции до этой линии, откуда она могла бы, как ручей, влившийся в широкую реку, омыть весь Париж. Итак, возмущение приютилось в узких внутренних улицах самих кварталов, где оно уже рано утром выдерживало сшибки с муниципалами, и где теперь вокруг него по бульварам собрана была вся охранительная сила правительства. Когда мы подошли к триумфальным воротам С.-Дени, а потом к воротам С.-Мартена, масса стоявшего тут войска представляла зрелище грозное и великолепное. Прямо против бунтующих улиц выстроены была эскадроны верховой муниципальной гвардии, готовые на атаку по первому сигналу. За ними в густых колоннах расположена была пехота. Другая часть ее занимала середину самих бульваров, вместе с эскадронам» драгун и кирасир. Далее, позади всех, к воротам С.-Мартена красовалась превосходная конная артиллерия с пороховыми ящиками и совсем готовая в дело. Солнце по временам выглядывало из-за серых облаков и ярко ударяло в кивера, каски, латы и штыки. Старый маршал Бюжо, сделанный главнокомандующим всех войск в Париже на время бунта, разъезжал по всему пространству, занятому войском, на превосходном сером коне, окруженный великолепным штабом и в маршальской шляпе своей, обложенной широким золотым галуном. Вместе с тем отряды линейного пехотного войска беспрестанно ходили взад и вперед по тротуарам, очищая их от любопытных и все более и более накопившихся пешеходов.

Задача состояла в том, чтобы поразить апоплексией и бездействием всю эту вооруженную силу.

Около 12 часов произошло передвижение войск и большая часть сосредоточена у ворот С.-Дени, которые сделались таким образом на некоторое время главной квартирой парижского гарнизона. Тут постоянно находился и Бюжо. Мы долго не знали, что делать с собой: направиться ли в сердце инсurreкции, чтоб видеть ее средства, или остаться на месте, чтоб наблюдать распоряжения маршала. Мы решились на последнее. Более двух часов Бюжо находился в бездействии, получая беспрестанно донесения и направляя только слабые кавалерийские атаки по бульварам, затопленным народом, все более и более придвигавшимся к войскам, причем слышно было, как маршал предписывал осторожность кавалеристам и кричал им вслед: «aux ras, aux ras» – шагом! Около двух часов пополудни, однакож, в улице Rembuteau, пересекающей улицу С.-Дени, сформировалась баррикада, и на ней стали собираться работники и люди, добывшие себе ружья. В эту же минуту эскадрон верховой муниципальной гвардии, стоявшей у ворот, ринулся прямо в улицу и был встречен ружейным огнем. Это была первая перестрелка междоусобной войны, раздавшаяся в Париже. Вслед затем Бюжо сформировал отряд из пехоты

¹⁴ Новейшая перестройка Парижа отняла у этих улиц их прежнее значение, частично очистив, а частично перерезав их с разных сторон широкими бульварами.

в четыре батальона и двинул его вперед. Когда муниципальная гвардия возвратилась из атаки, он заместил ее кирасирами и скомандовал новую атаку. Между тем перестрелка вдали все более и более крепчала: тогда Бюжо стал приводить в движение все свои силы и, вероятно, очистил бы весь квартал от недовольных, если бы не случилось происшествия, которое электрически потрясло всю массу войска, начальников его и зрителей.

Из боковой улицы de la Lune показался батальон национальной гвардии. Еще издали приветствуем он был криками народа, но по мере приближения его к бульварам крики усиливались и сообщались всей массе людей, бывших тут, и наконец перешли в неописанное выражение восторга, когда услышали, что голова небольшой колонны испускает крик: «à bas Guizot, vive la réforme!» Действительно, все эти вооруженные граждане, пожилые и молодые, иные в очках, другие с неописанными брыжжами, твердо приближались к главной квартире Бюжо, остановили готовящуюся кирасирскую атаку, поровнялись с самим маршалом и прокричали ему в лицо: «à bas Guizot», причем офицеры их делали такой твердый, уверительный жест рукой, что он походил в одно время и на приказание, и на угрозу; потом прошли под самыми пушками безмолвной артиллерии и скрылись в улице С.-Мартен, где тоже воздвигались баррикады. Другой такой же батальон, с теми же самыми криками, повернул в улицу

С.-Дени, прямо к сражающимся. Войска стояли как окаменелые. Бюжо почтительно и безмолвно пропустил мимо себя оба отряда. Вскоре тот, который повернул в улицу С.-Дени, возвратился назад, прекратив битву на ней и влача за собой высвобожденных баррикадистов, работников, мальчишек, блузы и сюртуки. Все эти люди промчались теперь в неистовой пляске, с воплями: «à bas Guizot, vive la réforme!», – мимо войска и мимо Бюжо, как бы насмехаясь над всеми их приготовлениями и усилиями. Точно то же самое произошло на многих других пунктах, в улице С.-Мартен, в Монмартрской, у подножья огромной баррикады, там выстроенной, и около Лоретской церкви. Париж, казалось, был замирен в одну минуту. Думали, что бездна уже наполнена одним человеком, брошенным в нее, и закроется. Вдох освобождения и радости пронесся по всему Парижу. Почти вслед за ушедшим батальоном национальной гвардии прискакавший адъютант вручил пакет Бюжо, который, не сходя с лошади, распечатал его, пробежал глазами бумагу и потом прочел народу во всеуслышание: это было извещение о смене Гизо и назначении президентом нового министерства г. Моле^{17}, на которого возложена и обязанность образовать его; но министерство это не состоялось, как мы вскоре увидим. Между тем, если существовали еще баррикады, то уже не было за ними сражающихся, и войско начало отступать, расточая украдкой от начальников пожатия рук (poignets de main) народу, врывавшемуся в ряды его. Только для приличия, а более для сбережения небольшой гауптвахты, где содержались захваченные пленники из зачинщиков и на которую народ, видимо, имел свои планы, еще разъезжал вдоль бульвара эскадрон кирасир, но вяло и неохотно. Народ достиг своей цели. По обыкновению своему, выждав минуту, он одним ударом захватил пост и выпустил на волю всех пленников, из коих многие, весьма чисто одетые, арестованы были на наших глазах.

Когда мы очутились снова на бульваре, там образовалось нечто вроде гуляния и народного праздника по случаю низвержения всеми ненавидимого министра и благополучного окончания революции.

Нельзя не вспомнить при этом об английских журналах, которые, получив известие об уступке, сделанной Луи-Филиппом народному восстанию, предрекли если не его падение, то совершенное изменение всей его системы правления. Это доказывает, между прочим, зоркость английских журналистов. С другой стороны, национальное чувство их выразилось таким безграничным восторгом перед вестью о смене Гизо, с которым они были в постоянной вражде по поводу *испанских и афинских дел*^{18}, что при этом решительно были позабыты консервативные начала, отличающие вообще английскую публику. Степенный «Times»^{19}, например, пел

почти революционные песни: честь парижскому работнику, честь его бессмертному гамену и т. далее. Его тогдашний руководящий «article»¹⁵ мог служить комментарием к любому парижскому демократическому листку – можно было подумать, что у них одинаковые убеждения.

Казалось, большая часть парижского гарнизона только и ждала откуда-нибудь дозволения – разрешить себя от тягостной службы против народа. С минуты, в которую она получила это дозволение из рук национальной гвардии, начинается то, что на военном диалекте именуют деморализацией войска, а демократическом – братством армии и народа. Как только мастеровые и республиканцы освобождены были от борьбы, они приступили тотчас же к обезоружению войска. Трудно поверить, что происходило тогда. Десятка два-три ребятишек останавливали целые отряды, которые отдавали им охотно ружья, сабли и тесаки. Трактирные и кофейные слуги для потехи выходили на улицу и беспрекословно отбирали у солдат все их вооружение. Не говоря уж об очищении частных оружейных магазинов, и даже – по свидетельству некоторых – одного казенного депо, в некоторых местах таким образом взяты были даже пушки и свезены в мэрии. Мало того: к вечеру отдельные группы мастеровых явились в дома и магазины самих национальных гвардейцев и потребовали их ружей, грозя в случае отказа уничтожением их богатых лавок. Те же самые люди, которые за несколько часов шли навстречу Бюжо и его армии, отдавали теперь в ужасе оружие свое. Некоторые, похитрее, припрятывали его и объявляли приходившим, что оно уже выдано, но все выставили на ставнях своих магазинов позорную надпись, сделанную мелом, которая красовалась на них потом более недели: «vive la réforme! Les armes sont données!»¹⁶ Эта эпиграмма на себя уже возвещала в них людей, которые, переспав ночь, будут покровительствовать самому взятию Тюльери. В подобные минуты события идут весьма скоро. К концу этого замечательного дня народ был вооружен так, как и не снилось ему в начале его, и к концу того же дня начинают возникать слабые, еще сомнительные надежды чистой республиканской партии. И между тем как на богатых и многолюдных улицах города либеральные люди протягивали руку блузникам, празднуя мир и поздравляя друг друга с победой над общим врагом, настоящий народ только что принимался за дело.

Само собой разумеется, что я не могу, да и не хочу, включать в описание это всех разнородных эпизодов, случившихся в продолжение революции, о которых мы узнали гораздо позднее из рассказов очевидцев и из журнальных известий. Между ними были многие весьма драматического интереса, каков, например, эпизод взятия на улице Bourg l'Abbé поста муниципалов и их спасения в ратуше благодаря усилиям каких-нибудь двух-трех человек. Мы отбираем только самые крупные черты революции и только те, которых были сами свидетелями.

Масса народа от улицы С.-Дени и С.-Мартен собралась снова у дома Гизо, но уже теперь с сознанием своей силы и своей победы. Между пехотными и кавалерийскими линейными полками, охранявшими его, находился еще отряд верховой муниципальной гвардии. Толпы приняли это за оскорбление и требовали удаления отряда, который представлял действительно единственную враждебную им силу. Масса народа делалась все нетерпеливее, крики становились все настойчивее и по временам уже мешались с возгласами: «à mort Guizot!»¹⁷. После всего происшедшего нельзя было и думать о сопротивлении. Бюжо, тут же находившийся, только ждал появления национальной гвардии, чтоб передать ей пост вместе с линейным войском, и тотчас же, как было возможно, свернул эскадрон муниципальной гвардии в густую колонну и приказал выступить. Неописанный вопль радости разнесся по всему народу, когда ненавидимый отряд тронулся с места, сопровождаемый криками: à mort, à mort¹⁸ – и каменным дождем, который, между прочим, задел и самого маршала. По отбытии муниципалов линейное войско

¹⁵ Статья (франц.).

¹⁶ «Да здравствует реформа! Оружье сдано!» (франц.).

¹⁷ «Смерть Гизо!» (франц.).

¹⁸ «Смерть, смерть» (франц.).

сформировало каре вокруг дома, заперев его с трех сторон и оставив для прохода толпе противоположный широкий тротуар. Народ не убывал: он только составил прогулки вокруг министерства и войска, с известными ребятами впереди, с надписями на длинных шестах, по обыкновению гласившими: *vive la réforme, à bas Guizot*, и с Марсельской песней. В группах, между которыми круговращались процессии эти, шли толки о новом министерстве. Можно судить о духе их по насмешливому замечанию работника, переданному мне одним свидетелем: «*bonnet blanc, blanc bonnet, – говорил работник, – et ainsi de suite*»¹⁹. Между тем наступал вечер, и – по чистой совести сказать – какое-то непонятное предчувствие говорило мне, что развязка революции произойдет там, где начался пролог ее. Я наскоро отобедал и явился снова к этому месту.

Огромный полонез, образовавшийся вокруг министерства, осветился вскоре факелами, несомыми впереди теми же самыми мальчишками, которые украсили еще головы свои бумажными треугольными шляпами и позаботились теперь о других шутовских подробностях костюма. Шествия эти начали сильно приобретать обыкновенный характер всех парижских движений: смесь грозы и карнавальная веселости. Красный свет, изливаемый факелами и бранная песня ночью странно вязались с выходками и дурачествами молодежи. Доходя до цепи войск, замыкавших улицу перед домом Гизо, шествия эти, как струя, упершаяся в неподвижную скалу, стекали по бокам его на тротуар, оставленный свободным, шли далее и возвращались после большого круга через ближние улицы снова к министерству. Это походило на водоворот, и так продолжалось уже довольно долго, когда у народа явился новый каприз или, если хотите, новое тактическое соображение. Кварталы С.-Дени и С.-Мартен, при самом начале вечера, осветились мгновенно огнями, в знак радости от победы, одержанной тут впервые народом. Огни домов постепенно тухли по направлению к богатым, аристократическим бульварам. Начиная с улицы Монмартр, кроме обыкновенного освещения, не видно было ни площадки. Разница была слишком резка и тотчас же обратила на себя внимание рабочнического населения, республиканцев и гамэнов. Составив огромные отдельные толпы, они начали останавливаться перед каждым темным или пустым домом, подымали ужасный шум, требуя шкаликов и площадок и грозя перебить все окна в случае медленности или сопротивления. С первого раза даже составилась из требований особенный припев, нечто вроде водевильного куплета, который и распевался всею массой мальчишек: «*des lampions, des lampions! – ou des pierres*»²⁰. Какой-то чудака положил даже на ноты первый такт его, вероятно, из желания сохранить его потомству. Можно вообразить ужас хозяев, которых заставляли врасплох, в каждом доме подымалась суматоха; чисто одетые люди давали им спасительные советы с улицы, крича: «зажигайте свечи, если нет площадок»; наконец, отворялись окна, и первый человек со свечами встречаем был громкими аплодисментами и насмешливыми замечаниями на счет его костюма и наружности. Все это было как-то забавно и грозно в одно время. Через час весь квартал зажегся многочисленными огнями и составил одну огромную и великолепную иллюминацию. Карнизы всех этажей, балконов и окон их унизаны были свечами, что образовало поистине фантастическую декорацию, в которой всех более отличался дом, занимаемый Одиллон Барро, на площади Маделень. Почтенный человек думал, что празднует падение парламентского своего соперника! Окончив свое дело на бульварах, толпы перешли в боковые улицы для той же цели, но они уже сделались нетерпеливее и страшнее. В улице *de la Paix* грозное приказание сопровождалось ударами в ворота и ставни. Один иностранец, восхищавшийся праздничным видом этой революции, сказал своему соседу: «*queie aimable révolution!*»²¹ – и получил в ответ от парижанина, тоже любовавшегося освещением и щеголеватого одетого: «*le lion est déchainé,*

¹⁹ «Колпак белый, белый колпак... все равно» (франц.).

²⁰ «Фонари, фонари! – или камни!» (франц.).

²¹ «Какая красивая революция!» (франц.).

et il s'amuse»²². Действительно, в толпе уже раздавались крики, между многими другими: au château! au château! – во дворец! Масса начинала электризоваться по чувству взаимного воодушевления, всегда возникающего посреди большого собрания людей и, может быть, решилась бы на какое-либо отчаянное покушение, если бы не остановил ее дом министерства юстиции на Вандомской площади. Мысль заставить праздновать желчного и ненавистного министра Гюбера^[20] собственное падение, видимо, полюбились ей, и так как в министерстве не слишком торопились исполнять приказание ее касательно иллюминации, то она начала ломать ворота, сорвала железные решетки с окон, притащила к дому будку и зажгла ее. Это могло быть началом доброго пожара в простом и переносном значении слова. К счастью, министерство вскоре осветилось, и толпа повернула назад. Я чувствовал в глубине души, что вечер должен кончиться каким-либо неожиданным событием. Не может же весь этот народ разойтись по домам – только от усталости, как после праздничного фейерверка. Кстати будет здесь заметить, что трудно понять, почему французские рассказчики этого дня приняли в отношении его одну общую идиллическую систему (мы разумеем рассказчиков из демократической партии)^[21]. Народ, говорят они, невинно и беззаботно веселился, когда черная измена готовила ему смерть из-за угла. Эта фраза, данная в руководство будущей истории – вряд ли может обмануть ее, как и все другие фразы различных партий, все их «mots d'ordre» – (внушения) потомству и наличным своим членам.

В десять часов вечера я стоял на углу улицы de la Paix и бульваров. В это время огромная масса народа показалась со стороны предместий, распевая Марсельскую песню, предшествуемая, по обыкновению, факелами и разноцветными фонарями. Из нее неслись голоса: «à l'Hôtel de Justice!»²³. Ясно было, что толпа получила известие о сопротивлении, оказанном народу в министерстве юстиции, и шла или хотела идти на помощь своим собратьям. Какой-то офицер национальной гвардии, вероятно, из желания спасти министерство, а может быть, и по другой какой-либо причине, повернул голову колонны на войско, охранявшее дом Гизо, и она уперлась в него всей своей массой. В это время раздался бог знает откуда ружейный выстрел. Офицер, командовавший батальоном, обращенным к народу, получил приказание употребить оружие только в случае нападения. Приняв один ружейный выстрел за атаку, он скомандовал батальону своему «feu!» – пали! Батальон отвечал неровным залпом, который затрещал и пронесся по бульварам. Толпа в ужасе отхлынула назад, оставив несколько человек убитыми на месте. Я был сдавлен, унесен и очутился в коридоре близлежащего дома под № 13. Через минуту мертвое молчание воцарилось на шумном бульваре. Как-то странно вдруг улица опустела – только неслись еще по временам остатки многолюдной толпы, кричавшие: Trahison! On nous assassine!²⁴. Некоторые из этих людей в каком-то беспамятстве ужаса уцепились за железную решетку ворот нашего дома, запертую наскоро привратником, и, судорожно потрясая ее, зывали: «отоприте, отоприте – сейчас будет другой залп и кавалерийская атака». Когда, по настоянию нашему, привратник отворил решетку, несколько работников пронеслись, гонимые паническим страхом, мимо нас, по коридору, вверх по лестнице, на чердаки. Вскоре показались раненые: работник с оторванным ухом, женщина с простреленной щекой, искали доктора, унимали вопли и рыдания, но выйти никто не смел. И совершенно понапрасну! Батальон, давший залп по народу, сам был поражен ужасом, тотчас как умолк звук выстрелов, прокатившийся по мостовой. Он принял меры против неожиданного нападения, поставил часовых по углам и очень стал походить на бедный отряд, отрезанный в неприятельском стане от собственной армии. Грустно и монотонно разносились, в мертвой тишине ночи, крики часовых: «Sentinelle, prenez garde à vous». – «Часовой, берегись!» Вместе с тем батальон выслал депутатов в кофей-

²² «Лев сорвался с цепи и теперь забавляется» (франц.).

²³ «В министерство юстиции!» (франц.).

²⁴ «Измена! Нас убивают!» (франц.).

ную Тортони, где собрались теперь республиканцы, объяснить, что все дело произошло от плачевной ошибки; бесполезная попытка примирения. Нападения, которого они ожидали, не произошло, но через полчаса из конторы журнала «le National» выслана была тележка подобрать нескольких убитых и составить из них ночную процессию для большего возбуждения народа. На тележку эту взвалили два-три трупа, в том числе труп женщины, на козлы сел мальчишка с факелом, другой мальчишка, тоже с факелом, вел лошадь под уздцы. Перед этим ночным кортежем молчаливо расступались солдаты, несколько драгун верхами составили ему добровольно почетный конвой, и когда он показался в народных кварталах, то поднял на ноги последних людей, которые еще ожидали развития событий.

Я едва стоял от усталости и поспешил домой. У нас был тоже раненый: слуга, которому пуля, прорвав сапог, сняла всю подошву ноги. Совершенно измученный ходьбой и впечатлениями этого необыкновенного дня, я, однакож, никак не мог заснуть всю ночь. Следующий день был еще обильнее происшествиями.

Есть множество толкований на знаменитый ружейный выстрел, вызвавший батальонный залп, а вместе с тем и новую форму правления. Одни приписывали его случаю, другие страху солдат муниципальной гвардии, которая еще скрывалась за стеной, в саду министерского дома, третьи, – и кажется с наибольшей основательностью, – республиканской партии, которая хотела возвратит снова к бою народ, начинавший, по ее мнению, развлекаться празднеством. Последнее предположение сделалось теперь несомненным фактом, но и тогда уже общее мнение приписывало одному из республиканцев, Лагранжу, этот расчетистый выстрел^[22]. Лагранж получил у консерваторов эпитет поставщика трупов и «entrepreneur des carnages revolutionnaires»²⁵, хотя он впоследствии торжественно называл «клеветой» обвинение и оправдывался в нем. Как бы то ни было, выстрел этот убил наповал конституционную монархию.

Всю ночь с среды на четверг слышен был в Париже стук топоров и заступов по мостовой, взрываемой на баррикады, и отдаленный гул голосов. Утром явился ко мне старый мой привратник и умолял не выходить на улицу, предостерегая меня, что народ заставляет строить баррикады всех встречных и проходящих. Я ко многому приготовился, но, признаюсь, зрелище, представленное мне бульварами, когда я вышел на них около 10 часов, поразило меня невольным образом: на далекое пространство, лежали теперь срубленные великолепные деревья их, пощаженные топором 1830 года; эшелонами высились заставы, образованные из деревьев, отхожих колонн, каменьев и будок; полосами была взрыта и обнажена земля, фонари разбиты и газовые проводники поломаны и свернуты в веревку. Я даже застал ночных работников, доканчивающих свое дело разрушения: при мне повалена была терраса улицы Basse des Remparts, и тут я имел случай видеть превосходный тип парижского мальчишка, красавца собой, который яростно работал ломом своим, между тем как ветер разносил по воздуху его длинные черные волосы. Войско уже было сведено от министерства Гизо, которое охранялось теперь одним небольшим отрядом национальной гвардии, и, кроме работавших за террасой, на бульваре не было ни души. Он походил на помпейскую улицу. Народные атаки перенеслись от Hôtel des Carucines к Палероялю и Тюльери, то есть от ответственного министра к главе королевства.

Еще в среду вечером Моле объявил королю, что отказывается от составления нового министерства, так как положение дел уже слишком натянуто (*trop tendue*); в 7-мь часов утра в четверг, при известии о необычайном волнении в Париже, король распустил палату и назначал министрами: Одиллона Барро (президент), Тьера^[23] и Ламорисьера^[24]. Назначение это делалось гласным, по невероятной оплошности, только в 10 или 11 часов утра. В полдень того же дня, четверга, король подписывал свое отречение от престола в пользу малолетнего графа

²⁵ «Зачинщик революционной битвы» (*франц.*).

Парижского^{25}, передавал все дело на суд народа и выезжал потаенно из дворца с королевой, двумя внуками и одной принцессой. В два часа пополудни того же дня народ разгонял палату депутатов, уничтожал все надежды герцогини Орлеанской быть правительницей государства и устранял от престола самого графа Парижского: едва она спаслась при этом с обеими детьми своими в Доме Инвалидов, а принцы Немурский^{26} и Монпансье^{27}, сопровождавшие ее, прибегли для того же к переодеванию. В три часа образовалось в ратуше из разных элементов новое правительство под именем *Gouvernement provisoire*²⁶, и на Другой день, в пятницу, оно торжественно объявило, что Франция отныне и *навсегда* усвоит себе республиканскую форму правления. После известного выстрела революция шла как огонь по сухому труту.

Около 10 часов утра, когда назначение Одиллона Барро и Тьера сделалось известным, большая часть национальной гвардии и в этот раз хотела уверить себя и других, что все дело опять кончено. Рассказывали тогда, будто сам новый президент, почтенный Барро, надев зеленые очки и шляпу с большими полями, ходил справляться на баррикадах, какое впечатление производит на умы его собственное недавнее возвышение. Результаты наблюдений, приобретенные сим новым Гарун-аль-Рашидом^{28}, остались тайною между ним и баррикадистами, но их угадать не трудно. Я сам видел около полудня небольшую толпу людей, с несколькими национальными гвардейцами во главе, которая везла на плохой лошаденке по закраинам бульваров и по тротуарам (так как середина улицы была уже завалена всякой всячиной) старого шефа оппозиции к его дому. Одночасный министр, вероятно, сам себе устроивший эту бедную овацию и этот уединенный триумф, ехал без шляпы, раскланивался на обе стороны своим приверженцам, которых можно было сосчитать всех по пальцам, но, вероятно, он не успел еще добраться и до крыльца своих палат, когда должен был услышать частую и жаркую перестрелку в весьма близком расстоянии от себя. Народ в это время брал приступом Палерояль и гауптвахту перед ним, известную под именем *Château-d'eau*²⁷, – единственное жаркое дело всей революции и единственное серьезное сопротивление, встреченное им в течение всех трех февральских дней.

Битва у Палерояля известна по многочисленным описаниям. Я пропускаю ее, потому что, не быв ее свидетелем, не могу прибавить ни одной черты к тому, что всякому читавшему газеты должно быть отчасти знакомо. Известно, что человек 200 того линейного полка, который накануне стоял у дома Гизо, и несколько десятков солдат муниципальной гвардии защищали старую каменную гауптвахту-фонтан *Château d'eau*²⁸ с великим мужеством, возбраняя революции спокойно поселиться в Палерояле и не пуская ее далее по направлению к Тюльери. После жаркой перестрелки народ овладел ею, подложив огонь. Сцены ужаса, которые происходили там во время Приступа и после него, вероятно, преувеличены хвастовством республиканской летописи, но перечень их, сообщенный вскоре листками и брошюрками, должен иметь все-таки историческое основание. Тут был ранен также и генерал Ламорисьер, как известно. После взятия приступом гауптвахты толпа, ожесточенная борьбой, предала собственно дворец Палерояля грабежу: она переломала все статуи, какие нашла там, изорвала все картины, еще не прибранные владельцем, разбила все окна, выкинула различную рухлядь на внутреннюю площадку и поделала из нее костры. Через полчаса дворец был гол, как ладонь. Галереи, с которых начинается ряд магазинов и склад частной собственности, остались неприкосновенными. Все движение останавливалось перед ними, как перед порогом, на который оно не имело силы или права перейти. Нельзя сказать, что им вовсе не угрожала опасность: к вечеру открылся пожар во дворце, и конечно, он мог сделать дело истребления очень хорошо, но, к счастью, его

²⁶ Временное правительство (*франц.*).

²⁷ Шато д'О.

²⁸ Как эта гауптвахта, так и все узенькие переулки между Лувром и Палероялем теперь снесены и обращены в великолепную площадь, разделяющую оба дворца.

скоро потушили. Затем путь к Тюльери был совершенно очищен. Войско, охранявшее его со стороны Карусельской площади и простиравшееся, как говорили, разумеется с неизбежным преувеличением, до 40 т. ч., уже ретировалось по собственному изустному приказанию герцога Немурского на площадь de la Concorde через набережную Сены, Тюльериский сад и улицу Риволи. Когда народ явился по Карусельской площади к Тюльери, решетка, замыкавшая его с этой стороны, уже никем не охранялась, и ворота старого дворца были растворены настеж.

Выстрелы все еще гремели в отдалении, когда, направляясь с несколькими спутниками к теперешнему театру борьбы, мы остановили первого попавшегося нам человека вопросом: что делается и за кем осталась победа? Человек этот был национальный гвардеец средних лет, в полном военном своем костюме, румяный и здоровый; он отвечал нам с невыразимым хвастовством: «Народ и национальная гвардия взяли приступом Тюльери». Не вполне доверяя этой почтенной гасконеде, мы повернули к Тюльерийскому саду. Зрелище, представившееся нам тогда, поистине описать весьма трудно: где набрать красок, чтоб передать одну из самых странных и поразительных картин, какие только мог видеть человек нашего времени; как уловить все бесчисленные подробности там, где каждая из них необходима для полноты целого; наконец, как представить это целое в его двойном характере – уличной потехи и грозного исторического факта?

Дворец уже был наполнен народом и изо всех его окон, изо всех отверстий, не исключая чердаков, палили из ружей на воздух, в знак радости. На балконе его в ужасной разладице трубили в трубы, на террасе били в барабаны, на среднем павильоне звонили в набат. По всему саду двигались колонны работников с криками и песнями, в разнороднейших костюмах, добытых в гардеробной Тюльери: в ливреях орлеанского дома, фалды которых влачили по земле у новых их обладателей, в шитых мундирах придворной свиты, надетых поверх грязной рубашки, в коротких бальных панталонах, и проч. Рядом с головами, перевязанными пестрыми платками, красовались головы, украшенные маршальскими шляпами с плюмажем; на голых плечах мотались густые эполеты короля и принцев; некоторые были подпоясаны их шарфами и орденскими лентами. Знамена и надписи все еще гласили: «à bas Guizot, vive la réforme», представляя едкую иронию и странное противоречие с тем, что происходило. Черная и запыленная масса вращалась, при страшном шуме, во дворце. Ветер, разносивший дым от беспрестанных выстрелов, колебал лохмотья разодранных оконных занавесов его, а в самых окнах появлялись и исчезали люди с обнаженной грудью и в лайковых перчатках, работники в блузах и в перевезях офицеров, бедняки в истертых сюртуках и в шляпах с перьями и золотыми галунами. Я видел даже мальчишку с митрой на голове, захваченной, вероятно, в придворной часовне. К картине этой следует еще прибавить разнородное вооружение толпы: сабли офицеров, тесаки солдат, штуцера кирасир, ружья пехотинцев. Всего резче бросались в глаза кивера муниципалов, разносимые на штыках поверх голов и служившие в одно время знаменем и трофеем. Тут выразился уже прогресс времени: в иную эпоху так точно разносились более кровавые трофеи. Как о весьма замечательной подробности, нами, да и большинством зрителей, вероятно, непонятой, нужно упомянуть о медном вызолоченном орле времен империи, прибитом неизвестной рукой к решетке балкона прямо над входом во дворец: он как будто указывал, что остается еще делать народу, и заранее превращал дворец в достояние наполеоновской фамилии. Но разбирать явления в этой всеобщей разладице было не легко, и как бы вы приступили к оценке их, когда ухо ваше было наполнено грохотом невообразимым, глаз поражен тысячью цветов, костюмов, физиономий, одни других страннее и неожиданнее. Представьте бал оперы в последний день карнавала, только вооруженный и опьяненный от битвы, победы, торжества; вы еще не будете иметь и приблизительного понятия о том, что свершалось в это время в Тюльери и саду его. Мы молча и без рассуждения смотрели на картину, стараясь уловить как можно более подробностей ее и утвердить их в памяти... Другая сторона дворца, обращенная к Карусельской площади, была не менее странна, шумна и живописна. На огромной Кару-

сельской площади горели в разных местах великолепные королевские экипажи, как громадные факелы или костры. Ребятишки для потехи запрягались в горящие кареты и развозили их по разным направлениям: со стороны казалось, будто пожар прогуливается. Множество людей скакали вдоль и поперек с невообразимым гамом и криком на лошадях муниципальной гвардии и притом скакали без всякой цели, единственно из удовольствия упиться шумом, суматохой, движением. Двор, решетка и оконечности триумфальных ворот завалены были навозом и нечистотой от войска, стоявшего тут бессменно три дня. Они издавали теперь запах смрада и гниения. Как муравьи, вращались на почетном двореке странные люди в тех же невероятных костюмах, о которых мы уже говорили; там же дымились две, три кучи, и у самого подножья дворца образовались уже груды от сорванного железа, разбитых рам, вещей, выкинутых из окон. Известно, что в поспешном бегстве король предоставил народу завтрак, за которым сидел, но победитель не удовольствовался этим. Он сошел в кухню, развел огонь во всех печах и принялся застряпню. Обильные запасы домовитого короля исчезли в несколько часов. Если бы еще одно это и исчезло!.. Мы беспрестанно видели людей, выходявших из дворца с кусками ветчины, хлеба, разных живностей на штыках и под мышками. Другие спустились в подвалы и уничтожали *династические* вина. Оттуда неслись песни, крики и завывания. Долго после совершенного очищения Тюльери мещане города Парижа и жены их прикладывали с улицы Риволи лица свои к разбитым рамам погребов и глядели в темь и пустоту, стараясь представить себе оргию, бушевавшую в них за несколько дней. Между тем изо всех этажей дворца сыпались клочья бумаг, как будто постоянный дождь (сколько любопытных документов могло быть истреблено таким образом), с шумом падали ставни, срываемые с крюков своих единственно из наслаждения порчи, и с звоном летели стекла на мостовую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...который застал меня в Париже неожиданно. – Анненков с осени 1847 г. безвыездно жил в Париже и в начале 1848 г. собирался вернуться в Россию, но революционные события заставили его задержаться. А. И. Герцен писал Анненкову из Рима 5 марта 1848 г.: «Жду от тебя вестей, вероятно, ни ты, ни Гервег никуда не поедете» (Герцен, т. 23, с. 65).

2.

...устроенных оппозицией – Имеется в виду династическая оппозиция. См. прим. к «Парижским письмам», письмо VIII, п. 17.

3.

Барро Камилл Гиацинт Одилон (1791–1873) – французский политический и государственный деятель, глава династической оппозиции в период Июльской монархии; противник революции 1848 г., после подавления июньской революции 1848 г. возглавлял реакционное министерство.

4.

Дювержье – Дювержье де Горан Проспер (1798–1870) – французский политический деятель, представитель династической оппозиции в период Июльской монархии.

5.

Дюшатель Шарль (1803–1867) – французский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел при Луи Филиппе.

6.

...пригласил национальную гвардию... – Национальная гвардия состояла из лиц, освобожденных от военной службы, а также военнообязанных старшего возраста; до февральской революции основной состав национальной гвардии – буржуазия, после революций была открыта для всех сословий, но состав ее мало изменился.

7.

Каваньяк, правильно Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857) – французский генерал и буржуазный политический деятель; военный министр во Временном правительстве 1848 г.; в период 1848–1849 гг. – глава партии порядка, усмиритель июньской революции, организатор кровавых расправ с рабочими.

8.

Бедо Мари Альфонс (1804–1863) – французский генерал и политический деятель, умеренный республиканец.

9.

Кремье Исаак Адольф (1796–1880) – парижский адвокат и буржуазный политический деятель; в период Июльской монархии примыкал к династической оппозиции, в период революции 1848 г. – член Временного правительства.

10.

Мараст, правильно Марраст, Арман (1801–1852) – французский публицист и политический деятель, умеренный буржуазный республиканец; в период Июльской монархии находился

в оппозиции, был редактором газеты «Националь»; в период революции 1848 г. – член Временного правительства; в 1848–1849 гг. – председатель Учредительного собрания.

11.

Муниципальная гвардия, *garde municipale* – создана в Париже в 1830 г. для подавления народных волнений.

12.

Кирасиры – конные части войска.

13.

...в зале дендерского зодиака... – Астрономические знаки, впервые изображенные на стенах дендерского замка в Египте.

14.

Шамполион-Фижак Жак Жан (1778–1867) – французский ученый-археолог, хранитель рукописей в отделе королевской библиотеки.

15.

...о Бордоском банке... – Банк в г. Бордо, финансировался главным образом виноторговцами, оказывал сопротивление распоряжениям Временного правительства.

16.

претензий республиканских историков... – Видимо, речь идет о: Lamartine A. Histoire de la revolution française 1848, tt. 1–2. Paris, 1849.

17.

Моле Луи Матье, граф (1781–1855) – французский государственный деятель, орлеанист, премьер-министр в 1836–1837, 1837–1839 гг.; депутат Учредительного и Законодательного собраний в период Второй республики.

18.

...по поводу испанских и афинских дел... – В 1840-х годах противоречия между Англией и Францией обостряются, предметом их конфликта были Испания и Греция, где каждая из сторон добивалась предпочтительного влияния; в греко-турецком конфликте 1820-х годов Англия приняла сторону Турции, Франция – сторону Греции, что и привело к обострению их конфликта в 1840-х годах. В 1846 г. Гизо удалось добиться заключения брака испанской наследницы престола с младшим сыном Луи Филиппа и расстроить проектируемый Англией брачный союз принца Леопольда Кобургского с испанской королевой Изабеллой II.

19.

«Times» – «Времена», крупнейшая английская общественно-политическая еженедельная газета консервативного направления; основана в 1786 г. в Лондоне.

20.

Гюбер, правильно Эбер (Hebert), Мишель Пьер Александр (1799–1887) – французский юрист и консервативный государственный деятель, орлеанист, член палаты депутатов (1834–1848), с 1841 г. главный прокурор королевского суда, министр юстиции (1847 – февраль 1848).

21.

...рассказчиков из демократической партии... – Видимо, предполагаются: Blanc L. Histoire la revolution 1848. Paris, 1849; Castille I. Histoire de la seconde République française. P., 1854; Proudon P.-J. Confessions d'un revolutionnaire. P., 1849.

22.

...этот расчетистый выстрел... – Анненков воспользовался непроверенным слухом: выстрел был произведен охраной крепости Шато де'О, хотя, действительно, в этот момент у крепости были Этьен Араго и Шарль Лагранж.

23.

Тьер Луи Адольф (1797–1877) – французский государственный деятель и буржуазный историк. В Июльскую монархию принадлежал к династической оппозиции.; в 1848 г. поддерживал партию порядка; в дальнейшем сторонник Луи Бонапарта и глава монархистов; палач Парижской коммуны.

24.

Ламорисьер Кристоф Луи Леон (1806–1868) – французский генерал, покоритель Алжира; в 1848 г. депутат Национального собрания, сторонник партии порядка, участник расправы над восставшими рабочими в период июньской революции 1848 г.

25.

Парижский Луи Филипп Альбер, граф (1838–1894) – сын герцога Орлеанского, внук короля Луи Филиппа.

26.

Немурский Луи Шарль Филипп, герцог (1811–1896) – второй сын короля Луи Филиппа, бежавший из Франции в момент февральской революции 1848 г.

27.

Монпансье Антуан Мари Филипп Людовик – пятый сын короля Луи Филиппа, бежавший из Франции в момент февральской революции 1848 г.

28.

Гарун (? – 809) – калиф, по прозвищу Аль-Рашид, т. е. справедливый.

122.

Марат Жан Поль (1743–1793) – французский публицист, деятель Великой французской революции, якобинец.